

Валентина Кудрявцева

Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б. Н. Ельцина
remidosi@gmail.com

Valentina Kudriavtseva

Ural Federal University
remidosi@gmail.com

ОБРАЗ ВЕЛИКОГО ИНКВИЗИТОРА Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО: ДИНАМИКА ИНТЕРПРЕТАЦИЙ

THE IMAGE OF THE GRAND INQUISITOR F. M. DOSTOEVSKY: DYNAMICS OF INTERPRETATIONS

В статье анализируются основные интерпретации образа Великого Инквизитора, рассматриваются ключевые акценты в рефлексиях русских и зарубежных исследователей, включая классическую критику В. В. Розанова и Н. А. Бердяева. Одной из точек притяжения интереса к образу Великого Инквизитора по-прежнему является внутренний конфликт героя, его кризис веры, имплицитно экстраполированный на социальную сферу как институциональный кризис. Многообразие интерпретаций демонстрирует актуальность образа Великого Инквизитора как воплощения архетипа власти. В современной концепции П. Слотердайка Великий Инквизитор выступает как носитель цинического сознания и манипулятор ценностями, открывая новую оптику для осмысления.

Ключевые слова: Великий Инквизитор, Достоевский, Слотердаjk, цинизм, власть.

The article analyzes the main interpretations of the image of The Grand Inquisitor, also it examines the key accents in the reflections of Russian and foreign researchers, including the classical criticism of Rozanov and Berdyaev. One of the points of interest attraction to the image of The Grand Inquisitor is still the internal conflict of the hero, his crisis of faith, which implicitly extrapolated to the social sphere as an institutional crisis. The variety of interpretations demonstrates the relevance of The Grand Inquisitor image as the embodiment of the archetype of power. In the modern concept of P. Sloterdijk the Grand Inquisitor as a cynical consciousness actor and manipulator of values, opening up new optics for comprehension.

Keywords: The Grand Inquisitor, Dostoevsky, Sloterdijk, Cynicism, Power.

«Легенда о великом инквизиторе» есть один из самых драгоценных перлов, созданных русской литературой.

(С.Н. Булгаков)

2021 год в России прошел под эгидой празднования юбилея Ф. М. Достоевского. В честь 200-летия со дня рождения выдающегося писателя состоялись культурные и научные мероприятия не только по всей стране, но и далеко за ее пределами, что подтверждает статус Достоевского как самого цитируемого русского автора в мировом масштабе.

Философский роман *Братья Карамазовы* стал заключительным этапом в творчестве Ф. М. Достоевского, оказавшего неоспоримое влияние на мировую культуру. Второй век подряд не утихают связанные с этим произведением дискуссии, периодически актуализирующие пророческий характер романа. Притча о Великом Инквизиторе стала одной из самых обсуждаемых тем, затрагивающих фундаментальные философские проблемы.

Существуют разные мнения о создании образа Великого Инквизитора Ф. М. Достоевским. Например, позиция, что используемый Достоевским исторический фон и персонаж Великого Инквизитора были вдохновлены драмой Шиллера *Дон Карлос* (Иванчич 2001) или предположение, что при создании образа кардинала Ф. М. Достоевский испытывал влияние прочитанной книги А. М. Иванцова-Платонова *О римском католицизме и его отношениях к православию* (Дергачева 2021). Сам Ф. М. Достоевский упоминает своего современника Доне Карлоса-младшего: «Дон Карлос, родственник графа Шамбора, тоже рыцарь, но в этом рыцаре виден Великий Инквизитор. Он пролил реки крови *ad maiorem gloriam Dei* и во имя Богородицы, кроткой молельщицы за людей, «скорой заступницы и помощницы», как именует ее народ наш» (Достоевский 1994: 106).

Скорее всего, Великий Инквизитор не имеет конкретного исторического прототипа, его образ отражает черты властных политиков из разных исторических эпох.

Принято считать, что фигура Великого Инквизитора отождествляет все негативные аспекты католичества (особенно это характерно для представителей русской религиозной философской мысли). Обратим внимание на другие сущностные характеристики образа Великого Инквизитора, которые отметили исследователи творчества Ф. М. Достоевского, проследим генезис этих представлений.

Благодаря В. В. Розанову начинается активная рефлексия образа Великого Инквизитора и после выхода в 1894 году первого издания *Легенды о Великом Инквизиторе Ф. М. Достоевского. Опыт критического комментария В. Розанова* оживляется полемика о смысле поэмы.

Ф. М. Достоевский использует формат именно религиозной притчи, чтобы продемонстрировать амбивалентность христианства, парадоксальным образом соединяющее и высокое представление о человеке, и недо-

рие к нему, выраженное в религиозном и светском контроле. Пока человек позволяет себе быть слабым, найдутся желающие управлять судьбой человечества на земле. Из слов Великого Инквизитора следует невозможность счастливой жизни человека по заветам Христа, следовательно, разрешается прибегать к другим основаниям:

«Христос принес на землю истину; Инквизитор же говорит, что земная жизнь человека управляется законом страдания, вечного убегания от него или, когда это невозможно, — вечного следования по пути наименьшего страдания. Между истиною, которая безотносительна и присуща только абсолютному Богу, и между этим законом страдания, которому подчинен человек вследствие относительности своей природы, лежит непереступаемая бездна. Пусть, кто может, влечет человека по пути первой; он будет следовать всегда по пути второго. Это именно и высказывает Инквизитор: не отрицая высоты принесенной Спасителем истины, он отрицает только соответствие этой истины с природою человека и, с тем вместе, отрицает возможность следования его за ней» (Розанов 1996: 72).

Это легитимация права на управление душами, которое традиционно присваивала религия.

В интерпретации С. Франка Великий Инквизитор предстает как скрытый атеист, сострадающий слабости среднего человека. (О том, что Великий Инквизитор по сути является атеистом, заявлял и сам Ф. М. Достоевский на литературном утре перед чтением пятой главы *Братьев Карамазовых* (Достоевский 1991: 297).

Для С. Франка проблема жизни, а не проблема свободы в легенде является ключевой. По его мнению, задача Великого Инквизитора — воплотить идею земного рая, признаком которого является противостояние духа и покоя. Дух — это трагедия человеческой жизни. Дихотомия человеческой экзистенции заключена в соблазне освобождения от духовных тревог и потенции свободы:

«С точки зрения этой врожденной потребности к неограниченной внутренней свободе, тяга к простодушному блаженству, как к абсолютному покою духовного равновесия — ничто иное как выражение апатии, тяготения к духовной смерти. Правда, говорится в речи Великого Инквизитора, что люди — прирожденные бунтари, но бунтари слабые, трусливые, рабские. Больше всего их страшит бремя их собственной ответственности; они — стадные животные, которым дает удовлетворение только подражание, однообразие приписанного всем мышления.»

В этом смысле идеал земного рая неосуществим. Цена свободы — ответственность, цена познания — драма добра и зла, и подавляющее большинство людей не готовы к такой ноше. Поэтому Великий Инквизитор принимает вызов:

«Спасение означает для него избавление человека от всяческого трагизма, от борьбы и междоусобицы, от сомнений и мук совести, т. е. осуществление и увековечение наивного, простодушного младенческого самосознания, находящегося по ту сторону добра и зла» (Франк 1976).

Что является подлинным мотивом для Великого Инквизитора? Идея спасения человечества, которую он манифестирует, оправдываясь перед Христом? С. Франк подмечает, что выбранный персонажем путь сверхчеловека требует презрения к человечеству: «... этим оправдывает Великий Инквизитор свое намерение вести человечество к тупому блаженству духовного самоуничтожения; отсюда же он черпает и свою уверенность в достижимости этой цели» (Франк 1976).

Для Л. И. Шестова важно обозначить, что Ф. М. Достоевский умолчал о том, что Великий Инквизитор сам становится жертвой своего обмана, выдавая ложь за истину, ведь не пастухи нужны стаду, а стадо нужно пастухам:

«Что случилось бы с великим инквизитором, если б он не имел гордой веры, что без него погибло бы все человечество? Что сделал бы он со своей жизнью? И вот, глубокий старец, проникающий своим изощренным умом во все тайны нашего существования, не умеет (может быть, делает вид, что не умеет) видеть одного — самого для него главного. Он не знает, что не народ ему, а он народу обязан верой, той верой, которая хоть отчасти оправдывает в его глазах его длинную, унылую, мучительную и одинокую жизнь. Он обманул народ своими рассказами о чудесах и тайнах, он принял на себя вид всезнающего и всепонимающего авторитета, он называл себя наместником Бога на земле. Народ доверчиво принял эту ложь, ибо и не нуждался в правде, не хотел ее знать; но старик кардинал, со всем своим почти вековым опытом, с изощренным пытливым и неустанной мыслью умом, не заметил, что и сам стал жертвой своего обмана, вообразил себя благодетелем человечества. Ему этот обман нужен был, ему неоткуда было получить веру в себя, и он принял ее из рук презираемой им, ничтожной толпы...» (Шестов 1993).

С. Н. Булгаков считает, что в образе Великого Инквизитора Достоевский воплотил тяготы и сомнения своих современников:

«...сын XVI века оказывается способным вместить самые тягостные сомнения наших дней, полновластный деспот с безудержной отвагой, с карамазовской дерзостью ставит проблему демократии и социализма. Инквизитор исповедует свою веру или, точнее, свое неверие в человечество, которое не может жить, по его мнению, своим умом и своею совестью» (Булгаков 1993: 33).

Для А. Л. Волынского очевидны параллели между главным действующим лицом поэмы и рассказчиком поэмы, которые мастерски намечает Достоевский. Амбивалентность Великого Инквизитора с явным богохульством во имя любви к людям и скрытым в сердце богофильстве становится основанием для противоречий, похожих на противоречия, с которыми столкнулся Иван Карамазов. Образы Великого Инквизитора и Ивана Карамазова сливаются:

«Для Великого Инквизитора, как и для Ивана Карамазова, нет ни Бога, ни мира, а есть только благородная функция религии, заволакивающая оскорбительную пустоту жизни очаровательными обманами. Во всем, что он хочет дать людям с гордой высоты своей, есть одна реальная сила — хлеб,

все же остальное есть гипнотизация придуманными благородными идеями, продуманность которых должна оставаться тайною в руках мудрых правителей» (Волинский 2011: 315).

В концепции Н. А. Бердяева артикулируется внеисторичность Великого Инквизитора. Образ Великого Инквизитора воплощает в себе худшие черты государства и церкви.

Одинаково опасны для веры атеизм, позитивизм, социализм и «заземленное» католичество. Не имеет значения, кто или что вещает от имени Великого Инквизитора, будь то Церковь или государство, власть светская или священная, любая власть, отнимающая свободу и проектирующая будущее по своему усмотрению:

«Великий Инквизитор все хитрости употребляет и единый дух его равно проявляется, как в образе консерватизма, охраняющего старые полезности, государственную крепость, устроившую некогда человеческую жизнь, так и в образе революционизма, создающего новые полезности, новую социальную крепость, в которой жизнь человеческая окончательно будет устроена на благо всем» (Бердяев 1907).

Богоборчество Великого Инквизитора не только свидетельствует о его нелюбви к Богу, но и показывает готовность стать новым богом — новым царем земным, пусть даже несчастным, «который сделает счастливыми миллионы младенцев, отняв у них свободу» (Бердяев 1907). Великий Инквизитор представлен Достоевским как идеальный и трагический персонаж.

А. Мацейне убежден, что через образ Великого Инквизитора Достоевский раскрывает начало, противоположное Христу, которое сознательно изображается писателем в виде конкретного человека. Возраст инквизитора символизирует долгую жизнь, должность — внешний аспект Церкви, одежда в виде монашеской рясы — внутренний аспект силы духа.

«Инквизитор — противоположность Христа. Однако он — не негодяй. Он — идеалист. И хотя этот его идеализм демонический, коверкающий совесть человека, его свободу и его выбор, всё-таки это — идеализм» (Мацейне 1999: 133).

А. Мацейне отмечает, что во имя своего идеала Великий Инквизитор принял грехи слабых и стал их искупителем, что на наш взгляд, является аллюзией на самого Христа.

«Отказ инквизитора от Христа окончателен. Решение принять противоположность Христа сделалось бесповоротным. Именно поэтому инквизитор, несмотря даже на то, что после поцелуя Христа концы его губ задрожали, остается верным своей прежней установке. Как человек он тронут милосердным действием Христа, но как представитель духа пустыни остается на прежнем пути лжи и обмана, который ведет к уничтожению и в небытие. Раскрывая свою тайну, инквизитор предстает как истинный отрицатель Христа и сущностный носитель антихристового начала» (Мацейне 1999: 154–155).

В представлении Н. О. Лосского Великий Инквизитор тоже окончательно отказывается от Христа и действует путем принижения идеала, выступая своего рода титаническим богоборцем (Лосский 1953).

Р. Джулиани соотносит образ Великого Инквизитора с образом Антихриста, который релевантен своей эпохе:

«... он становится своего рода дьявольским евангелистом, автором своеобразного евангелия от Антихриста — евангелия, которое принадлежит двум авторам — ему и Ивану, причем Иван, даже и в ономастическом смысле, предстает кем-то вроде четвертого евангелиста, приспособливающего свое евангелие к трем синоптическим в повествовании об искушении в пустыне. Это вершина полисемантики образов Достоевского, делающей тщетными поиски идентичности этого персонажа» (Джулиани 2019: 112–113).

Следует отметить, что практика репрезентации образа Великого Инквизитора как Антихриста довольно распространена. (см. обзор работ у К. Г. Исупова, 1995).

Т. Иванчич рассмотрела поэму как своего рода «дуэль России и Европы» в представлениях Ф. М. Достоевского и отметила ряд аллюзий на события XIX века:

«У Достоевского в образе католического инквизитора, мрачного владыки, который хочет управлять совестью, разумом и чувствами верующих, прочитывается тот гнев, который охватил Пия IX, бессильного завоевать власть над миром. Слова инквизитора, обращенные к Христу: “Зачем ты пришел теперь, чтобы мешать нам?”, обращены ко всем тем немногим, кто выступил против насилия властей» (Иванчич 2001).

В образе Христа Достоевский воплощает Россию, в образе инквизитора — Запад, противостояние расширяется до вопросов о вере и безверии, о филантропии и мизантропии, это дуэль духовности и бездуховности. В лице Великого Инквизитора Достоевский критикует отрицательные черты западной цивилизации.

В. В. Биbihин полагает, что в определенной степени образ Великого Инквизитора есть саморепрезентация писателя. Великий Инквизитор не бунтарь, а воин, который становится драйвером истории. Великий Инквизитор — Великий Манипулятор, который понимает цену свободы и цену своего осознанного выбора.

«Броситься в руки истинного Бога, бросив вызов богу слишком человеку: вот весь Великий инквизитор (но и Достоевский). По крайней мере он видит истинную ситуацию человека широко открытыми глазами. Тотальный тиран? Враг Бога? Но Богом принятый! — Немного смешно и довольно таки глупо выставлять Достоевского морализующим наставником послушных масс. Смешно и глупо как раз потому, что Достоевский оказался способен взглянуть в это свое лицо и выставил его в инквизиторе» (Биbihин 1994).

Немецкий философ и культуролог П. Слотердаик рассматривает фигуру Великого Инквизитора в рамках своей концепции цинизма как про-

свещенного ложного сознания. Автор помещает героя поэмы в паноптикум циников, чтобы проанализировать архетипы цинического сознания на примере исторических личностей и литературных персонажей.

Великий Инквизитор представляет собой зарождение современной формы политического цинизма, это репрезентация образа консервативного политика и идеолога XIX века.

«В речи описанного Достоевским кардинала, произнесенной перед сохраняющим молчание узником, мы обнаруживаем истоки современного учения о институтах, которое в этом — и, вероятно, только в этом — месте с уникальной откровенностью признает свою циническую основу, построенную на сознательном, ссылающемся на необходимость обмане» (Слотердаик 2001: 214).

Великий Инквизитор, действующий по формуле «ведает, что творит», принимает власть как самопожертвование, ведь во имя Бога приходится лгать народу ради блага этого народа. Для Слотердайка в этом коренится парадокс современного консерватизма:

«Понятие свободы, как то ведомо Великому Инквизитору, образует ключевой пункт в системе подавления и угнетения: чем более эта система репрессивна (инквизиция и т. п.), тем интенсивнее нужно вколачивать в головы риторику свободы. Именно это — отличительный знак всякого современного консерватизма как на Востоке, так и на Западе; все они избирают своей основой пессимистическую антропологию, согласно которой стремление к свободе есть не более как опасная иллюзия, чистый порыв, лишенный какой бы то ни было субстанции, - порыв, который замазывает и скрывает необходимость и неустранимость институционального («связанного») характера человеческой жизни» (Слотердаик 2001: 215).

Заклучить сделку с дьяволом, принеся на алтарь свое несчастное сознание и расколотую совесть, во имя счастливого будущего человечества, значит, принять людей такими, какие они есть, то есть стать реалистом, опираясь на знание и власть.

Для П. Слотердайка Великий Инквизитор — примета эпохи:

«Его мышлением владеют два противоположных мотива, которые спорят друг с другом и в то же время обуславливают друг друга. Как реалист (позитивист), он оставил позади дуализм добра и зла; как человек, верящий в утопию, он тем крепче и отчаяннее придерживается этого дуализма. Наполовину он — аморалист, наполовину — гиперморалист; с одной стороны — циник, с другой — мечтатель; здесь — свободен от всяких угрызений совести, там — связан в конечном счете с идеей добра. На практике он не боится никакой жестокости, никакой подлости, никакого обмана; в теории же он предан высочайшим идеалам. Действительность воспитала его циником, прагматиком и стратегом; однако, исходя из своих намерений, он чувствует себя воплощением добра. В этой разорванности и двуличии мы узнаем основополагающую структуру “реалистических” Великих Теорий XIX века» (Слотердаик 2001: 221).

Соединение цинизма средств с морализмом целей в XIX веке породило первую форму современного цинического сознания и Ф. М. Достоевский создает образ Великого Инквизитора, чтобы убедительно продемонстрировать скрытую технологию власти: использовать истину, чтобы лгать. Фигура Великого Инквизитора в этом смысле выступает прототипом «современного (политического) циника» (Слотердайт 2001: 220).

Подводя итоги, следует отметить, что динамика интерпретаций образа Великого Инквизитора Ф. М. Достоевского носит нелинейный характер. Вариативность представлений содержательно концентрируется вокруг основной темы, связанной с дихотомией светского и сакрального. Но многозначность образа Великого Инквизитора Достоевского позволяет продолжить интеллектуальный поиск в сфере интерпретации философам, филологам, культурологам и представителям других научных направлений с новых ракурсов, что может стать темой для дальнейшего исследования.

ЛИТЕРАТУРА

- Бердяев Николай. «Великий Инквизитор». Бердяев Николай. *Новое религиозное сознание и общественность*. Санкт-Петербург, 1907: 1–32. <<http://www.vehi.net/berdyaev/velinkv.html>> 16.10.2021.
- Бибихин Владимир. «Две легенды, одно видение: инквизитор и антихрист». *Искусство кино* 4 (1994). <http://www.bibikhin.ru/dve_legendi> 10.10.2021.
- Булгаков Сергей. «Иван Карамазов как философский тип (о романе Достоевского “Братья Карамазовы”»)». Булгаков Сергей. *Сочинения*. В 2 т. Т. II. Избранные статьи. Москва: Наука, 1993.
- Волинский Аким. *Достоевский: философско-религиозные очерки*. СПб.: ООО Издательский дом «Леонардо», 2011.
- Дергачева Ирина. «Прецедентный интертекст в поэме «Великий инквизитор». *Проблемы исторической поэтики* 19/2 (2021): 125–140. <https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1620247079.pdf> 17.10.2021.
- Джулиани Рита. «“Великий Инквизитор”: текст и контекст» /Перевод с итальянского Лебедевой О. Б. *Достоевский: материалы и исследования* 22 (2019): 103–119. <<https://elibrary.ru/item.asp?id=42804495>> 16.10.2021.
- Достоевский Фёдор. «Вступительное слово, сказанное на литературном утре в пользу студентов С.-Петербургского университета 30 декабря 1879 г. перед чтением главы “Великий инквизитор”». Достоевский Фёдор. *Собрание сочинений*. В 15 т. Т. 10. Ленинград: Наука, 1991.
- Достоевский Фёдор. *Дневник писателя. 1976 год. Март*. Достоевский Фёдор. *Собрание сочинений*. В 15 т. Т. 13. Санкт-Петербург: Наука, 1994.
- Иванчич Тамара. «Дуэль России и Европы в “Легенде о Великом Инквизиторе” Достоевского». *Пограничные культуры между Востоком и Западом (Россия и Испания) [Сборник]*. Санкт-Петербург: Б/и, 2001: 144–122. <https://www.booksite.ru/fulltext/dos/toj/evs/kii/dostoevskii_f/sbor_stat/91.htm> 12.10.2021.
- Исупов Константин. «Русский Антихрист: сбывающаяся антиутопия». *Антихрист (Из истории отечественной духовности): Антология* /Сост. Комментар. А. С. Гришина, К. Г. Исупова. Москва: Высш. шк. 1995.
- Лосский Николай. *Достоевский и его христианское миропонимание*. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1953. <<http://dostoevskiy-lit.ru/dostoevskiy/bio/losskij-hristianskoe-miroponimanie/glava-vii-hristianskie-veroisповedaniya.htm>> 10.10.2021.
- Мацейна Антанас. *Великий инквизитор* /Пер. с литов. Т. Ф. Корнеевой-Мацейнене. Санкт-Петербург: Алетей, 1999.

- Розанов Василий. *Легенда о Великом инквизиторе Ф. М. Достоевского*. Розанов Василий. *Собрание сочинений. Легенда о Великом инквизиторе Ф. М. Достоевского. Лит. очерки. О писательстве и писателях* / Под общ. ред. А. Н. Николюкина. Москва: Республика, 1996.
- Слотердайк Петер. *Критика цинического разума* / Перевод с нем. А. В. Перцева. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001.
- Франк Семён. «Легенда о великом инквизиторе». *Вестник русского христианского движения* 117/1 (1976). Париж — Нью-Йорк—Москва. <http://www.odinblago.ru/frank_legenda/> 16.10.2021.
- Шестов Лев. *Достоевский и Ницше (Философия трагедии)*. Шестов Лев. *Избранные сочинения*. Москва: Издательство «Ренессанс», 1993. <<https://nietzsche.ru/look/century/dostoevski/?curPos=4>> 16.10.2021.

REFERENCES

- Berdyayev Nikolaj. «Velikij Inkvizitor». Berdyayev Nikolaj. *Hovoe religioznoe soznanie i obshchestvennost'*. Sankt-Peterburg, 1907: 1–32. <<http://www.vehi.net/berdyayev/velinkv.html>> 16.10.2021.
- Bibihin Vladimir. «Dve legendy, jedno videnie: inkvizitor i antihrist». *Iskusstvo kino* 4 (1994). <http://www.bibikhin.ru/dve_legendi> 10.10.2021.
- Bulgakov Sergej. «Ivan Karamazov kak filosofskij tip (o romane Достоевского “Brat’ya Karamazovy”)». Bulgakov Sergej. *Sochineniya*. V 2 t. T. II. Izbrannye stat’i. Moskva: Nauka, 1993.
- Dergacheva Irina. «Precedentnyj intertekst v poeme «Velikij inkvizitor». *Problemy istoricheskoy poetiki* 19/2 (2021): 125–140. <https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1620247079.pdf> 17.10.2021.
- Dostoevskij Fyodor. «Vstupitel’noe slovo, skazannoe na literaturnom utre v pol’zu studentov S.-Peterburgskogo universiteta 30 dekabrya 1879 g. pered chteniem glavy “Velikij inkvizitor”». Dostoevskij Fyodor. *Sobranie sochinenij*. V 15 t. T. 10. Leningrad: Nauka, 1991.
- Dostoevskij Fyodor. *Dnevnik pisatelya. 1976 god. Mart*. Dostoevskij Fyodor. *Sobranie sochinenij*. V 15 t. T. 13. Sankt-Peterburg.: Nauka, 1994.
- Dzhuliani Rita. «“Velikij Inkvizitor”: tekst i kontekst» /Perevod s ital’yanskogo Lebedevoj O. B. *Dostoevskij: materialy i issledovaniya* 22 (2019): 103–119. <<https://elibrary.ru/item.asp?id=42804495>> 16.10.2021.
- Frank Semyon. «Legenda o velikom inkvizitore». *Vestnik russkogo hristianskogo dvizheniya* 117/1 (1976). Parizh—N’yu-York—Moskva. <http://www.odinblago.ru/frank_legenda/> 16.10.2021.
- Isupov Konstantin. «Russkij Antihrist: sbyvayushchayasya antiutopiya». *Antihrist (Iz istorii otechestvennoj duhovnosti): Antologiya* / Sost. Komment. A. S. Grishina, K. G. Isupova. Moskva: Vyssh. shk. 1995.
- Ivanchich Tamara. «Duel’ Rossii i Evropy v “Legende o Velikom Inkvizitore” Достоевского». *Pogranichnye kul’tury mezhdru Vostokom i Zapadom (Rossiya i Ispaniya)* [Sbornik]. Sankt-Peterburg: B/i, 2001: 144–122. <https://www.booksite.ru/fulltext/dos/toj/evs/kii/dostojevskii_f/sbor_stat/91.htm> 12.10.2021.
- Losskij Nikolaj. *Dostoevskij i ego hristianskoe miroponimanie*. N’yu-York: Izd-vo im. CHEkhova, 1953. <<http://dostoevskiy-lit.ru/dostoevskiy/bio/losskij-hristianskoe-miroponimanie/glava-vii-hristianskie-veroispovedaniya.htm>> 10.10.2021.
- Macejna Antanas. *Velikij inkvizitor* / Per. s litov. T. F. Korneevoy-Macejnene. Sankt-Peterburg: Aletejya, 1999.
- Rozanov Vasilij. *Legenda o Velikom inkvizitore F. M. Достоевского*. Rozanov Vasilij. *Sobranie sochinenij. Legenda o Velikom inkvizitore F. M. Достоевского. Lit. ocherki. O pisatel’stve i pisatelyah* / Pod obsch. red. A. N. Nikolyukina. Moskva: Respublika, 1996.
- Shestov Lev. *Dostoevskij i Nicshе (Filosofiya tragedii)*. Shestov Lev. *Izbrannye sochineniya*. Moskva: Izdatel’stvo «Renessans», 1993. <<https://nietzsche.ru/look/century/dostoevski/?curPos=4>> 16.10.2021.

Sloterdajk Peter. *Kritika cinicheskogo razuma* / Perevod s nem. A. V. Perceva. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2001.

Volynskij Akim. *Dostoevskij: filosofsko-religiozne ocherki*. SPb.: ООО Izdatel'skij dom «Leonardo», 2011.

Валентина Кудрјавцева

ЛИК ВЕЛИКОГ ИНКВИЗИТОРА Ф. М. ДОСТОЈЕВСКОГ:
ДИНАМИКА ИНТЕРПРЕТАЦИЈЕ

Резиме

У чланку се анализирају главна тумачења лика Великог инквизитора, испитују се кључне тачке у размишљањима руских и страних истраживача, укључујући класичну критику В. В. Розанова и Н. А. Берђајева. Једно од главних тежишта интересовања за лик Великог инквизитора и даље остаје јунаков унутрашњи конфликт, његова криза вере, имплицитно екстраполирана на социјалну сферу као институционална криза. Разноликост тумачења показује актуалност лика Великог инквизитора као отелотворења архетипа моћи. У савременом концепту П. Слотердајка Велики инквизитор иступа као носилац циничне свести и манипулатор вредностима, отварајући нову оптику тумачења.

Кључне речи: Велики инквизитор, Достојевски, Слотердајк, цинизам, власт.